

Е. Н. Ермакова, Г. Ч. Файзуллина, Л. Г. Возелова

ОБРАЗ ЖЕНЩИНЫ В РУССКОЙ, ТАТАРСКОЙ И ХАНТЫЙСКОЙ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ КАРТИНАХ МИРА

Большая часть фразеологизмов (ФЕ), номинирующих человека, не содержит указания на биологический пол обозначаемого лица. В русских ФЕ форма мужского или женского рода выражается флексией грамматически главного компонента, что обусловлено их грамматической природой. Однако эта форма, как правило, не является показателем пола и служит для называния как мужчины, так и женщины (*кисейная барышня, белая ворона*). ФЕ, характеризующих лиц обоих полов, в русском языке большинство. В незначительной части ФЕ возможно изменение рода грамматически главного компонента для называния лиц противоположного пола (*змея подкодная* – *змей подкодный*), редко происходит замена компонента с целью идентификации референта речевой ситуации (*базарная баба* / *базарный мужик*). В татарском и хантыйском языках категория рода отсутствует. Представлены результаты сопоставительного анализа ФЕ, характеризующих только женщину, в разносистемных языках. Несмотря на то, что ФЕ – это глубоко национальное явление, их анализ позволяет сделать вывод о совпадении признаков феминности и черт феминной модели поведения, номинированных этими единицами, в русской, татарской и хантыйской языковых картинах мира. Проблемы гендерной идентичности, гендерной дифференциации и их культурной обусловленности находятся в русле наиболее востребованных сегодня гуманитарных исследований, чем и определяется актуальность данной работы. Анализируются ФЕ, отражающие представления о женском начале, дана их классификация по семантике и коннотации. Феминно маркированные ФЕ в разных лингвокультурах характеризуют в основном физиолого-анатомические, интеллектуально-психологические и социально-аксиологические свойства женщины и «женского мира». При различиях в образной основе ФЕ, характеризующих женщину в принадлежащих языкам соседствующих народов, можно говорить о культурно универсальном подходе к оценке тех или иных качеств, признающихся сугубо женскими.

Ключевые слова: *фразеологизм, фразеологическая картина мира, феминность, гендерные стереотипы, семантические свойства, образная основа фразеологизма*

Введение

Современная лингвистика все чаще обращается к когнитивным исследованиям, ставя, кроме прочих, задачу реконструкции национальной языковой картины мира, выявления в ней черт, уникальных для каждого народа. Когнитивный подход призван выявить культурно значимую информацию, заключенную в языковых единицах, обозначить связь языка и культуры. Особая роль при таком познании отводится малым жанрам фольклора (пословицам, поговоркам) и языковым единицам – фразеологизмам. Как считает В. Н. Телия, «...именно фразеологизмы ассоциируются с культурно-национальными эталонами, стереотипами, мифологемами и т. п., воспроизводя характерный для той или иной лингвокультурной общности менталитет» (Телия, 1996: 231, 246, 262–268). Не ставя под сомнение роль этих единиц в раскрытии национально-культурной специфики, ученые все же обращают внимание на необходимость разграничения национальной и культурной составляющих (Телия, 1996; Добровольский, 1997), на наличие объективных и субъективных факторов при формировании национально-культурной специфики (Гак, 1999: 260).

По словам В. Н. Телия, фразеология ... в настоящее время приблизилась к антропологической парадигме и лингвокультурологическому анализу (Телия, 1996: 84). Лингвокультурология изучает язык в качестве носителя определенной национально-культурной ментальности, в антропоцентрической научной парадигме рассматривается неразрывное единство языка и человека, где главной функцией языка является отражение совокупности знаний о мире посредством лексико-семантических единиц (Дементьева, 2013: 179). Закономерно в этой связи, что главным фрагментом языковой, в том числе фразеологической, картины мира является образ человека не только как биопсихосоциального существа, но и как создателя культуры, носителя языка и национального менталитета.

Значительная часть ФЕ любого языка называет человека: лицо (или совокупность лиц), его свойства, признаки и качества, действия, им совершаемые. ФЕ, называющие человека, достаточно часто становятся объектом рассмотрения в современном языкознании: семантические свойства русских антропонимов-фразеологизмов анализирует Е. Р. Ратушная (2000), философский аспект гендерности во фразеологии рассматривает М. В. Ермолаева (2011), лингвокультурологические свойства ФЕ описаны в работах В. А. Масловой (2004). В ряде работ анализируются частные признаки человека: О. Ю. Динисламова, С. С. Динисламова исследуют ФЕ, характеризующие внешность человека (2019а, 2019б), А. Х. Газимова, А. В. Ярута описывают ФЕ, номинирующие пороки человека (2016). В работах Е. П. Молостовой анализируется экспрессивность семантики фразеологизмов-антропонимов (2000).

Опыт исследования фразеологизмов русского языка в гендерном аспекте

Большая часть ФЕ, номинирующих человека в русском языке, не содержит указания на биологический пол обозначаемого лица. ФЕ-наименования человека, в силу своей грамматической природы (выражение категориального значения предметности), как правило, имеют форму мужского или женского рода, которая выражается флексией грамматически главного компонента: *белая ворона, кисейная барышня, в каждой бочке затычка, калиф на час*. Однако эта форма не является показателем пола, характеризуемого ФЕ. Так, с одной стороны, грамматически главный компонент, имея форму мужского рода, может служить для обозначения лиц только мужского пола: *рыцарь без страха и упрека, мышинный жеребчик, высокий гость*; форма женского рода – только для обозначения лиц женского пола: *старая карга, пиковая дама*. С другой стороны, имея форму одного рода (чаще женского), ФЕ служит для называния лиц обоих полов. В этом случае ФЕ «развивают и конкретизируют ту общую идею, которая заложена в общекатегориальной семантике...» (Кубрякова, 1978: 51). Так, например, фразеологизмом *кисейная барышня* характеризуют избалованного, изнеженного человека (и мужчину, и женщину), фразеологизмом *белая ворона* – мужчину или женщину, имеющих поведение или систему ценностей, отличных от других лиц своей общности. ФЕ, характеризующих лиц обоих полов, в русском языке большинство.

Только в незначительной части ФЕ возможно изменение рода грамматически главного компонента для называния лиц противоположного пола: *змея подколотная – змей подколотный, черная вдова – черный вдовец, виновница торжества – виновник торжества, одна как перст – один как перст*. В большинстве случаев попытка образовать родовой коррелят приводит к разрушению целостности ФЕ. В татарском и хантыйском языках о таком изменении речь не идет, так как в этих языках категория рода отсутствует. Замена компонента при изменении референта речевой ситуации происходит весьма редко: *базарная баба / базарный мужик, ваша сестра / ваш брат, слабый пол / сильный пол*. В этом случае происходит компонентное варьирование.

По наблюдениям М. В. Ермолаевой, «...большинство современных гендерных исследований проводится в русле феминной гендерной культуры» (Ермолаева, 2011: 206). Работы по фразеологии также не стали исключением. Значительное количество публикаций по фразеологии посвящено анализу образа женщины в языковой культуре разных народов: Н. Г. Шериева представляет кабардино-черкесские фразеологизмы (2017), Н. Б. Корина – родственные наименования женщин в славянской фразеологии (2015). Образ женщины в лингвокультуре народа ханты анализируют Т. Н. Таджибова, Л. В. Быкова (2018). Сопоставительному анализу «феминных» ФЕ посвящены работы Е. Ф. Арсентьевой (1984), Х. С. Шагбановой, Р. Ж. Саурбаева (русских, английских) (2015), А. В. Коногоровой (русских, английских, немецких) (2010). О. Ю. Динисламова, С. С. Динисламова анализируют ФЕ, репрезентирующие красоту женщин манси (2019); С. В. Стеванович, Е. А. Раевская исследуют ФЕ, значение которых раскрывает социальную роль женщины (2008), и др.

Феминно маркированные ФЕ с точки зрения их формирования

При рассмотрении гендерно маркированных ФЕ необходимо учитывать, что они отражают сложившуюся систему представлений о личностных и психофизических качествах мужчины и женщины, их социальных ролях. В то же время фразеологическая картина неизбежно меняется в соответствии с эволюцией социума, переменами в культуре и ментальности народа.

ФЕ, характеризующие женщину, ее физиолого-анатомическую и интеллектуально-психологическую природу, социальное поведение, помогают увидеть, как сложившееся в национальной языковой культуре восприятие феминного начала трансформируется под влиянием экстралингвистических факторов.

В настоящей работе рассматриваются фразеологические подсистемы, называющие женщин трех разносистемных неродственных языков (русского, татарского, хантыйского). Анализируются только те ФЕ, которые не могут образовать родового коррелята (русские) и при этом называют и характеризуют только женщину. Из разных словарей и справочников русского, татарского и хантыйского языков методом сплошной выборки отобрано 269 (107 русских, 80 татарских, 82 хантыйских) таких ФЕ. В отдельных случаях использовался диалектный материал, собранный во время полевых экспедиций 2019–2020 гг. (21 единица татарского языка). Перевод татарских и хантыйских фразеологизмов на русский язык осуществлен авторами статьи¹.

Условно корпус анализируемых фразеологизмов можно разделить на две группы: 1) в составе ФЕ есть компонент с общим значением «женщина»; 2) в составе ФЕ нет компонента с общим значением «женщина».

Наблюдения показывают, что в каждом из языков примерно у половины ФЕ первой группы одним из компонентов является бывшая лексема, называющая принадлежность к определенному полу: *девочка, девушка, девка, женщина, бабушка, баба, бабка*. Этот компонент указывает на лицо женского пола, но фразеобразующим является другой компонент(-ы), который и определяет значение ФЕ. Сравним: *дама сердца* – «возлюбленная», *дама полусвета* – «кокотка, куртизанка», *пиковая дама* – «недоброжелательница, злодейка». Значение «женскости» у ФЕ второй группы формируется с помощью самых разнообразных компонентов. Фразеобразование происходит в результате актуализации одной из сем лексемы, ставшей компонентом ФЕ, и деактуализации остальных. Например, ФЕ *драная кошка* имеет значение «худая, жалкого вида женщина». Его компоненты – лексемы в свободном употреблении *кошка, драть*. Грамматически главный компонент ФЕ *кошка* в свободном употреблении имеет значение «домашнее животное с повадками хищника, истребляющее мышей и крыс; самка кота» (СРЯ, т. 2: 118). В составе ФЕ лексема *кошка* утрачивает семантическое ядро, при формировании новой единицы актуализируется только сема «самка», которая формирует ядро. Грамматически зависимый компонент *драть* в свободном употреблении многозначен, имеет десять значений (СРЯ, т. 1: 444). В составе ФЕ ни одно из индивидуальных значений в полной степени не актуализируется, вероятнее всего, в определенной степени (но не полностью) актуализируется сема 3. убивать, растерзывать (о хищных животных). В этом случае можно предположить, что при формировании фразеологизма лексическое значение слова *драть* претерпело значительные семантико-грамматические трансформации: оно не только качественно преобразовалось, но и утратило свое категориальное значение процесса, компонент сохранил только отдельные имплицитные микросемы – предполагаемый результат по глаголу *драть*. Преобразуясь, компонент ФЕ синтезирует новую семантику – называет качество предмета.

Фразеологизм – это номинативная единица, не только называющая предмет, признак, количество, процесс или отношения, но и единица, с помощью которой говорящий или пи-

¹ Г. Ч. Файзуллина – татарский язык, Л. Г. Возелова – хантыйский язык.

шущий дает оценку тому, о чем говорит; при этом оценочность всегда взаимодействует с содержательной стороной. Конкретное «содержание» ФЕ возможно выявить только при условии употребления его в контексте. Рассмотрим это на нашем материале: ФЕ *синий чулок*, как упоминалось выше, в современном языке употребляется в значении «сухая педантка, лишенная женственности и погруженная в книжные, отвлеченные интересы». В контексте *Она никак не походила на «синий чулок», проводящий все вечера и ночи в обществе книг, журналов и личных дел своих подопечных* (Максим Милованов. Кафе «Зоопарк») актуализируется только одна из микросем значений ФЕ – «погруженная в книжные, отвлеченные интересы», но нет указания на микросему «лишенная женственности». В контексте *Если б Валентина совсем без запросов была, такая простая, тогда б понятно. Или там уродина какая, синий чулок. Так ведь нет, и в женском плане все при ней* (Евгений Шкловский. Кладезь), наоборот, через отрицание актуализируется микросема «лишенная женственности», но не актуализируется микросема «погруженная в книжные, отвлеченные интересы».

Отражение феминных стереотипов в русской, татарской и хантыйской фразеологических картинах мира: семантический аспект

Обобщающей квалификацией всего фразеологического фонда является негативная или позитивная оценка, при этом в системе ФЕ любого языка можно выделить несколько общих семантических групп, которые отражают всю многогранность человеческих качеств, свойств, признаков, отношений. В каждой семантической группе выделяются подгруппы, которые уточняют, конкретизируют определенный признак обозначаемого лица.

В нашем материале биолого-физиологические свойства характеризуются пятью тематическими группами: телосложением, возрастом, красотой/некрасивостью, беременностью/бесплодностью.

При характеристике телосложения во всех анализируемых языках противопоставляются два типа: толстая женщина – худая женщина. Толстых женщин в русском языке называют: *в теле* – «женщина с пышными формами», *царь-баба* – «крупная женщина»; в татарском языке: *урыс мейец* (букв.: русская печь), *сыйыр шигелле* – «толстая женщина, медленно передвигающаяся» (букв.: как корова), *аяклы бәләш* – «здоровенная баба» (букв.: беляш с ногами), *ат күк коз* – «здоровенная девка» (букв.: как лошадь девушка); в говорах сибирских татар: *рәсинкә қурцақ* – «полная женщина» (букв.: резиновая кукла); в хантыйском языке толстая женщина – *пурәц хөрти* (букв.: жирная, как свинья); *вөй пөталы* (букв.: жирная, как кусок жира). Худая женщина: *вобла сушеная/вяленая, вешалка для одежды* – «девушка с параметрами модели»; современная ФЕ с тождественным значением, возникшая на основе внешнего сходства с куклой, – *ходячая Барби*; в хантыйском языке: *тал лөв кәр* – «худая» (букв.: просто костяная связка). Для называния стройных, изящных девушек/женщин в татарском языке используются ФЕ: *кашы-күзе кыелган* – «изящная женщина» (букв.: брови, глаза срезанные), *камыштай зифа пуйлы* – «стройная» (букв.: стройная, как камыш), *зифа буйлы* – «статная» (букв.: статный рост), в хантыйском: *варәс хөрти нэ* – «стройная фигура» (букв.: как ветка девушка/женщина), *руц хөрти* – «высокая, стройная» (букв.: русской подобная).

Для характеристики женщины преклонного возраста в русском языке употребляется достаточно большое количество фразеологизмов, при этом одним из компонентов является лексема *старая*, которая, с одной стороны, указывает на возраст, с другой – реализует сему «больная»: *старая скворечница/кошелка*; часть ФЕ, наряду с семой «старая», реализуют сему «злая», придавая высказыванию резко негативную оценку: *старая карга/ведьма/хрычовка*. О зрелом возрасте женщины свидетельствует ФЕ *бабье лето*; в татарском языке: *базары торган, бәясе чыккан* – «о женщине, у которой прошла молодость» (букв.: базар ее стоял, цена ее вышла), в хантыйском: *катра пек лөв* – «старая» (букв.: старая челюсть). В русском языке

активно используется крылатое выражение, характеризующее женщину 30–35 лет, – *дама бальзаковского возраста*.

Привлекательную, женственную, обаятельную женщину называют *писаной красавицей, сладкой женщиной*. Если такая «красотка» еще и ярко и нарядно одета, она – *Жар-птица*. В татарском языке: *аккош шигелле* – «красивая и гордая женщина» (букв.: как лебедь), *алма бит* – «красивая девушка/женщина» (букв.: яблоко лицо), *алма битле кара каш* – «красивая молодая девушка с круглым розовым лицом» (букв.: с лицом яблока, черные брови), *бер кашык су белән йотарлык* – «писаная красавица» (букв.: словно можно проглотить одной ложкой воды), *карап туйгысыз* – «краса ненаглядная» (букв.: глядя, не наестся), *керфегеннән нур тама* (букв.: с ресниц лучи исходят). Молодую красивую девушку характеризуют ФЕ *баксаң багардай, базардагы товардай* (букв.: смотрится как товар на базаре), *бер дә килмәгән жире юк* (букв.: нет ни одного неподходящего места), *шыгырдап торган кыз* (букв.: девушка что надо), *балавыздан койган күк* (букв.: словно литая воском); в хантыйском языке: *нйй хёрти* – «красивая, лучезарная» (букв.: как солнце), *хёрәм шухәр нэ* – «стрекоза» (букв.: красивая скрипящая женщина), *нолән-сэман вени* – «красивое лицо» (букв.: с носом, с глазом); *акань хёрти нэ* (букв.: на куклу похожая женщина), *сорни най* (букв.: золотая богиня), *хорасан нэ* (букв.: имеющая вид женщина). Во фразеологизме *секс-бомба* к семе «привлекательная» добавляется микросема «сексуальная партнерша».

Во всех языках используются ФЕ, оценивающие отдельные части тела. В русском языке тонкую талию у девушки характеризует ФЕ *осиная талия*, в татарском языке – *эченнән энә үтәрлек* (букв.: как будто игла пройдет изнутри), *энәлек пилле* (букв.: талия как у стрекозы). Черные брови у женщины в татарском языке: *кара кашлы* (букв.: с черными бровями), черные глаза – *нави вешән пўты сэмпти* (букв.: с черными глазами), красивые длинные волосы – *ике чиймә кара чәчәләре* (букв.: два ручья ее черные волосы); седые волосы в хантыйском языке – *õхем навийа вõтса* (букв.: голова обветрилась), *õхем навийа йис* (букв.: голова стала белой). Белозубую женщину в татарском языке называют *ап-ак энҗе теишләре* (букв.: с жемчужно-белыми зубами), белолицую – *нави венишан* (букв.: со светлой кожей лица женщина). Для характеристики морщинистого лица женщины татары используют фразеологизм *қарын пит* (букв.: кишка лицо).

Орнитосимвол *лебедь* русские используют для описания внешности стройной, утонченной девушки: *лебединая шея* – у девушки с длинной тонкой шеей, это же значение в татарском языке *аккош пуенлы* (букв.: с шеей лебедя); с грациозностью лебедя сравнивают походку юной изящной девушки – *лебединая поступь*, орнитоним *нава* является фразеобразующим во ФЕ *плывет как нава*.

В ряде ФЕ называются качества, характеризующие не внешние данные, а иные физические особенности женщины. Красивый звонкий голос женщины в татарском языке оценивается фразеологизмами *сандугач тавышлы* (букв.: с голосом соловья), *челтр чиймә тавышлы* (букв.: с голосом звонкого ручья), громкий голос – *тавышы таш яраты* (букв.: голос камень раскалывает).

По нашим наблюдениям, только русские фразеологизмы называют некрасивых женщин: *синий чулок* – «женщина, лишённая обаяния, поглощенная научными интересами», *кикимора болотная*, *Баба Яга* – «о непривлекательной, уродливой женщине», *царевна Несмеяна* – «неулыбчивая, малопривлекательная женщина», *драних кошка* – «худая, жалкого вида женщина». В отдельных единицах подчеркивается мужеподобность: в русском – *царь-баба*, *бой-баба*, в татарском: *бүрекле тавык* (букв.: курица с хохолком).

Фразеологизмы, характеризующие женщину по внутренним, интеллектуально-психологическим свойствам, составляют разноплановый пласт. Здесь можно выделить фразеологизмы с положительной и отрицательной коннотацией. Положительную оценку получили следующие черты и свойства характера женщины:

- ум, мудрость: в хантыйском языке *биэһэ нэ* – «ума палата» (букв.: с умом женщина);
 - доброта: в хантыйском языке *Мойһэ хөрһи* – «добрая, сказочная женщина с положительными качествами» (букв.: женщина как Мощнэ), *сэймэ хойат* – «добрая, душевная, приятная» (букв.: с сердцем женщина);
 - решительность: в русском языке *железная леди* (совр.) – «женщина-политик, сильная, волевая, обладающая мужским характером»; в хантыйском языке *ики хөрһи* – «с характером, волевая» (букв.: как мужчина);
 - выносливость: в русском языке *свой парень* – «выносливая женщина, надежный друг для мужчин»; в хантыйском языке *ат күк* – «высокая молодая девушка с сильным туловищем» (букв.: как лошадь), *икет кемэн йэшацты* – «выносливая» (букв.: наравне с мужчинами борется);
 - хозяйственность: в татарском языке *аягы почмакта, башы учакта* – «о женской работе в доме» (букв.: ноги в углу, голова в огне); в хантыйском языке *йошэһэ-күрэһэ нэ* – «шустрая» (букв.: с рукой, с ногой женщина);
 - трудолюбие: в хантыйском языке *оһлы-сэмлы рупитэл* – «о женщине, которая работает не покладая рук» (букв.: без головы, без глаз работает);
 - любезность, приветливость: в русском языке *дама, приятная во всех отношениях* – «очень любезная, несколько слащавая женщина»; в татарском языке *вениһи нэ* – «улыбчивая» (букв.: женщина с улыбкой на лице), *көлэч йөзлө* – «приветливая» (букв.: с приветливым лицом);
 - мечтательность: в русском языке *тургеневская девушка* – «романтическая, задумчивая девушка, мечтательная»;
 - застенчивость: в русском языке *красна девица* – «робкая, скромная, застенчивая девушка» (в одном из значений многозначного фразеологизма);
 - верность мужу: в татарском языке *ирләр якасын иснәмәгән* – «верная жена» (букв.: та, которая не знает запаха мужского воротника).
- Негативная оценка женщины представлена в группах, отражающих:
- недостаток интеллекта: в русском языке *розовый чулок* – «женщина с мещанским кругозором»; в хантыйском языке *вўслы от* – «глупая, недалекая» (букв.: без дыры); *биһлы от* – «глупая» (букв.: без ума);
 - болтливость: в русском языке *дойная корова* – «женщина, которая может рассказать все, про что у нее спросят» (в одном из значений многозначного фразеологизма); в татарском языке сплетницу характеризуют ФЕ *урам авыз* (букв.: уличный рот), *урам тастымалы* (букв.: уличная тряпка), *урам фәрештәсе* (букв.: уличный ангел), *урам хатыны* (букв.: уличная женщина); в хантыйском языке – *йүһэлэ лоп от тухрылылы* (букв.: рот не закрывается), *кэйбэ ат қапыҕы* (букв.: мешок сплетен), *сигес яңаҕы* (букв.: семь челюстей);
 - скандальность, хамство, сварливость: в русском языке *старая карга* – «сварливая старая женщина»; *базарная баба* – «хамовитая, вульгарная женщина»; в татарском языке *чиркәү чәүкәсе* – «визгливая женщина» (букв.: церковная галка); *албасты шигелле* – «беспардонная женщина» (букв.: злой женский дух);
 - злость, грубость: в русском языке *гром/бой/огонь баба/девка; чертова перечница* – «злая, сварливая, женщина с норовом»; в татарском языке *симләк шигелле* – «женщина, которая любит ругаться» (букв.: как маленькая собачка), *йылан шигелле* – «злая» (букв.: как змея); в хантыйском языке злую женщину называют *амп хөрһи* (букв.: как собака), *акар ими* (букв.: как овчарка), *пеукэһэ акар хөрһи* (букв.: похожа на зубастую собаку), *лув вени сөхэл лык, йл пэрийэл* (букв.: кожа ее лица злая, просто сыплется);
 - бессердечие: в хантыйском языке *сэмлы от* – «бессердечная, жестокая» (букв.: без сердца);
 - коварство, хитрость: в русском языке *чертова кукла* – «коварная женщина»; в татарском языке *шайтан курчагы* – «чертова кукла» (букв.: чертова кукла); в хантыйском языке

йхсар ими – «хитрая» (букв.: женщина-лиса); *паннэ хорти* – «скользящая, хитрая» (букв.: похожая на налима);

– неряшливость: в татарском языке *пумала баи* – «неряшливая, растрепанная» (букв.: швабра голова), *көнжәлә баи* – «растрепанная» (букв.: кудель голова);

– нехозяйственность, небрежность: в татарском *ил бөлдергеч* (букв.: тот, кто разоряет страну);

– равнодушие: в хантыйском языке *күккүк ими хорти* – «безответственная, безразличная» (букв.: как кукушка);

– нелюбовь к мужу: в хантыйском языке *сәмәл-нәмәл айт нумасәм хыйат элты мәсса* – «выйти замуж не по любви» (букв.: сердце, мысль о нем не думали);

– неверность мужу: в хантыйском языке *посар ими* – «неверная женщина»;

– беззаботность, ветреность: *попрыгунья-стрекоза* – «о ветреной женщине»; в татарском языке *урам пасты* – «не знает забот» (букв.: ходящая по улицам), *урам себерткесе* – «женщина, которая беззаботно гуляет по гостям, по улице» (букв.: уличная метла);

– отрицательная оценка в целом: в татарском языке *шайтан тиңә* – «нехорошая женщина» (букв.: шайтан женщина).

Социальные признаки и свойства женщины многоаспектны. Фразеологизмами характеризуется:

– поведение: в русском языке *серая мышь/мышка* – «тихая, незаметная женщина»;

– манера одеваться: в русском языке *модница-огородница, модница-сковородница, дама с Амстердама* – «женщина, одевающаяся модно, вызывающе», в татарском языке *йолгынты йола* – «плохо одетая женщина» (букв.: драное лицо); законодательницу моды русские называют *иконой стиля*;

– отношение женщины к окружающим: в русском языке *пиковая дама* – «недоброжелательно настроенная женщина, оказывающая неблагоприятное влияние на кого-либо»;

– род занятий: в русском языке *Христова невеста* – «монахиня», *классная дама* (до револ.) – «воспитательница в женских средних учебных заведениях», *сестра милосердия* – «то же, что медицинская сестра» (устарев.); в татарском языке *шафкать туташы* – «сестра милосердия» (букв.: оказывающая милосердие), *әбилек итү* – «быть повивальной бабкой» (букв.: быть бабушкой), *кендек әбисе* – «повивальная бабка» (букв.: бабушка пупка), *сәт анасы* – «кормилица» (букв.: молочная мама), *өй кешесе* – «домохозяйка» (букв.: домашний человек), *өй түрәсе* – «хозяйка дома» (букв.: начальник дома); женщину, находящуюся в услужении у кого-либо, в русском языке характеризуют фразеологизмами *девочка на побегушках, рабыня Изаура*;

– образованность: в татарском языке *ил фәрештәсе* – «та, которая приносит добро стране; до революции так называли образованных женщин, преподававших в школе» (букв.: ангел страны); в говорах сибирских татар: *мулла қыс* – «образованная женщина» (букв.: дочь муллы); *өш тайәл* – «умная, сообразительная» (букв.: ум она имеет); *нәпсән хыйат* – «умная» (букв.: человек с мыслями); *нәпек ширән хошәл* – «грамотная, умная» (букв.: по бумаге умеет);

– женщину из высшего общества русские называют *светской львицей*.

Немногочисленны фразеологизмы, называющие женщину, ждущую ребенка: в русском языке *на сносях*, в татарском языке – *балага калу* (букв.: стать ребенком), *буенда бар* (букв.: в росте есть), *корсагы борынына җитү* (букв.: живот до носа доходит); в хантыйском языке *на ширән улты* (букв.: по другому живущая), *лавартан ул* (букв.: тяжело живет); и, наоборот, в хантыйском языке, если женщина не беременна, функционирует ФЕ *күрәл морийас* – «начался менструальный цикл» (букв.: нога ее переломилась). В хантыйском языке женщину, родившую ребенка, называют *йошәл нох понәм нә* (букв.: руки вверх положившая женщина).

Бесплодность отражена в следующих фразеологизмах: в татарском языке *Турәмән һаврәмән айт парса* (букв.: Бог не послал ей детей); *Таңха Турәмән эвина-пәхна айт китса(парса)*

(букв.: наверное, Бог ей не послал дочь и сына); в хантыйском языке *пох ант вантылыйас, эви ант вантылыйас* (букв.: сына не видела, дочку не видела). Негативную окраску имеет татарский фразеологизм *бөөре бала басмаган, арты йомырка салмаган* (букв.: ее печень ребенка не знает, ее задняя часть яйцо не отложила), в котором дается отрицательная оценка девушкам или женщинам, не родившим детей.

Фразеологизмы – это не только единицы языка, но и языковые средства, используемые для выражения характерных для культуры того или иного народа смыслов. В отличие от слова, которое является лишь сигналом для пробуждения человеческого сознания – отклика на соответствующие концепты, ФЕ – это минимальный текст, именно он является хранителем информации. Поэтому в большинстве ФЕ есть «следы» национальной культуры (Маслова, 2004: 87). Но в любом национальном языке проявляются и универсальные (панкультурные) стереотипы. Особенно это очевидно в контексте ФЕ негативной коннотации.

Так, социальный статус незамужней женщины (не реализовавшейся с точки зрения семейных отношений и рождения детей) в любой культуре, где продолжение рода воспринималось как одна из наивысших ценностей, считался крайне низким. Рассмотрим примеры: в русском языке незамужнюю женщину называют *старая дева/девка, вековечная невеста, невеста без места* (ироничн.); в хантыйском *баиш кайда – сарае шунда* (букв.: где голова – там дом), *вотча улты от* (букв.: одна живущая), *лүв сәхатәл ул* (букв.: сама по себе живет); *щиты щипүрцемаса* (букв.: так и состарилась). Характеристика замужней женщины в нашем материале только в татарском языке: *ир хатыны* (букв.: женщина мужа), *үгез сөзгән* (букв.: бык забодал).

Для характеристики распущенной женщины, кокетки, куртизанки в каждом языке выработано большое количество фразеологизмов: в русском – *гулящая баба/девка, ходить по рукам, вавилонская блудница, падшая женщина, дама полусвета, дама с камелиями, женщина легкого поведения, падший ангел, ночная бабочка, дочь Евы, падшее создание, жрица любви*; в татарском языке *аты-чабы чыгу* – «приобретать дурную славу» (букв.: имя выходит), *чаршау бикә, чаршау биби* (букв.: занавесочная барыня), *бозык хатын, кәнтәй хатын* (букв.: испорченная женщина), *тутый кош* (букв.: попугай), *уйнашчы хатын* (букв.: игривая женщина), *ирләр тастымалы* (букв.: мужская тряпка), *урам тастымалы / урам фәрештәсеурам хатыны* (букв.: уличная тряпка / уличный ангел / уличная женщина); в хантыйском языке *лэваса улты / лэваса йәнхәл* (букв.: зря живет / зря ходит).

Для номинации женщин по половой принадлежности как коллективного множества русские используют ФЕ *слабый пол, нежный пол, прекрасный пол, прекрасная половина человечества, ваша сестра, женский род, дамское сословие, бабье сословие*. В татарском и хантыйском языках таких номинаций не найдено.

Заключение

Таким образом, несмотря на то, что большинство ФЕ называют лицо без указания на пол, все же в каждом из рассматриваемых языков значительная часть номинирующих человека единиц феминно маркированы: они называют черты, свойственные только женщинам. Так, ФЕ характеризуют внешние данные женщин, их физические параметры, особенности характера, возможность иметь или не иметь детей, особенности их социального статуса.

В семантике рассмотренных ФЕ, как и во фразеологизмах в целом, отражается длительный процесс развития культуры каждого народа. В большинстве случаев ФЕ, номинирующие женщин, универсальны и не привязаны к конкретной эпохе и национальной культуре. Однако с другой стороны, ФЕ с феминной семантикой отражают и сохраняют гендерные стереотипы, свойственные национальным культурам, характеризуют роль женщины в социуме на протяжении его развития.

По итогам проведенного исследования можно сделать следующие выводы:

1. Все сопоставляемые фразеологические системы (русская, татарская, хантыйская) содержат ФЕ, называющие и характеризующие женщину или ее отдельные качества. При этом перечень положительных и отрицательных качеств в разных языках приблизительно одинаков. В числе позитивных свойств упоминается внешняя привлекательность (так, в русском – 6 единиц, в татарском – 13, в хантыйском – 8), хозяйственность, покладистость, добрый нрав; среди отрицательных – болтливость (в русском – 3, в татарском – 7, в хантыйском – 5), злость, сварливость, грубость (в русском – 5, в татарском – 4, в хантыйском – 6), распущенность (в русском – 12, в татарском – 8, в хантыйском – 1). Заметно, что носители исследуемых языков одобряют те качества, которые способствуют исполнению женщиной ее основных гендерных функций – быть хозяйкой и матерью, и порицают те, что препятствуют исполнению этих обязанностей. Так, например, бесплодие номинируется пятью единицами татарского языка.

Русский язык насчитывает большее количество феминно маркированных ФЕ с негативной коннотацией, нежели татарский и хантыйский языки. Вероятно, это связано с тем, что экспрессия русской фразеологии в принципе направлена на критику окружающей действительности – жизненных ситуаций и человеческих качеств, похвала же в русском языке выражается достаточно прямо и не требует переносного значения.

2. Фразеологизмы татарского и хантыйского языков, характеризующие внешность женщины, преимущественно сосредоточены на деталях ее облика: волосы, брови, зубы, лицо, в то время как русская фразеология в большей степени рисует и оценивает общий вид, обращая внимание на возраст, манеру одеваться и вести себя: *серая мышка, драная кошка, модница-огородница*.

3. Среди «феминных» ФЕ русского языка наблюдается значительное количество единиц, чья образность основана на архетипах и текстах мировой (в основном европейской, христианской, но не только) культуры: *дочь Евы, вавилонская блудница, синий чулок, железная леди, дама с камелиями, рабыня Изаура*, что может свидетельствовать о большей открытости русской фразеологии не только в плане заимствования оригинальных образов, но и в плане принятия и адаптации в своей аксиологической системе чужих ценностей и оценок. Образность ФЕ татарского и хантыйского языков практически замкнута рамками быта и тех жизненных наблюдений, которые делает человек, не выходя за пределы привычного ему повседневного мира.

4. Отсутствие в татарском и хантыйском языках ФЕ, характеризующих представительниц женского пола как коллективного множества, может означать меньшую включенность татарских и хантыйских женщин в общественные отношения, по сравнению с русскими (на этапе активного формирования фразеологических систем этих языков), их большую сосредоточенность на внутреннем укладе дома и семьи, без выхода во внешний мир. Фразеология в данном случае отражает специфику менталитета и культурные особенности разных народов.

Сопоставление ФЕ соседствующих народов (коими являются русские, татары и ханты) способствует пониманию взаимодействия языка и культуры, помогает преодолеть барьеры в межкультурной коммуникации.

Источники и сокращения

ФСРЯ – Фразеологический словарь русского языка / сост. Л. А. Войнова и др. / под ред. А. И. Молоткова. М.: СЭ, 1967. 543 с.

ФСТЯ – Исанбет Н. С. Фразеологический словарь татарского языка. В двух томах. Том I. / Н. С. Исанбет – Казань: Татарское книжное изд-во, 1989. 495 с.

Лельхова Ф. М. Словарь глаголов хантыйского языка (шурышкарский диалект) / Ф. М. Лельхова. Ханты-Мансийск: ОАО «Издательский дом «Новости Югры», 2012. 207 с.

Соловар В. Н. Хантыско-русский словарь (казымский диалект): Более 9000 слов / В. Н. Соловар; под ред. А. А. Бурькина. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2020. 689 с.

Литература:

- Арсентьева Е. Ф.** Сопоставительный анализ фразеологических единиц, выражающих характер человека, в английском и русском языках: дис. ... канд. филол. наук. Москва, 1984.
- Газимова А. Х., Ярута А. В.** Пороки характера человека во фразеологической картине мира // Ученые записки Крымского федерального ун-та имени В. И. Вернадского. Филол. науки. Том 2 (68). 2016. № 1. С. 138–144.
- Гак В. Г.** Национально-культурная специфика меронимических фразеологизмов // Фразеология в контексте культуры. Москва, 1999. С. 260–265.
- Дементьева И. А.** Антропоцентрический подход к исследованию когнитивной и лингвокультурной деятельности человека // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Т. 15. 2013. № 2. С. 176–180.
- Динисламова О. Ю.** Репрезентация внешнего вида человека в аспекте рассмотрения эстетической категории «безобразное» (на материале фразеологизмов мансийского и русского языков // Ежегодник финно-угорских исследований. Т. 13. 2019а. № 2. С. 343–355.
- Динисламова О. Ю.** Языковая репрезентация роста человека в мансийской и русской фразеологических картинах мира // Вестник угроведения. Т. 9. 2019b. № 1. С. 30–39.
- Динисламова О. Ю., Динисламова С. С.** Образ красивой женщины в мансийской и русской фразеологической картине мира // Вестник угроведения. Т. 9. 2019. № 2. С. 207–222.
- Добровольский Д. О.** Национально-культурная специфика во фразеологии // Вопросы языкознания. 1997. № 6. С. 48–57.
- Ермакова Е. Н.** Русские и татарские фразеологизмы с компонентом-зоонимом как источник лингвокультурной информации. URL: <https://elibrary.ru/contents.asp?id=37845123>
- Ермолаева М. В.** Философский аспект гендерной фразеологии // Вестник ЧГПУ. Филология и искусствоведение. № 2. 2011. С. 206–213.
- Коногорова А. В.** Стереотипы восприятия концепта «женщина» в разноязычных культурах // Вестник ЧитГУ. Филологические науки. № 9 (66). 2010. С. 43–47.
- Корина Н. Б.** Родственные наименования в славянской фразеологии // Вестник славянских культур. 2015. № 4 (38). С. 128–138.
- Кубрякова Е. С.** Части речи в ономазиологическом освещении. Москва: Наука, 1978. 114 с.
- Кульсарина Г. Г.** Этнокультурные особенности зоонимов в башкирском языке (на материале фольклорных текстов) // Вестник Башкирского ун-та. Филология и искусствоведение. 2015. Т. 20. № 2. С. 548–541.
- Маслова В. А.** Лингвокультурология: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. 2-е изд., стереотип. Москва: Издат. центр «Академия», 2004. 208 с.
- Молостова Е. П.** Экспрессивный компонент семантики фразеологизмов-антропоцентризмов русского и французского языков: дис. ... канд. филол. наук. Казань, 2000. 191 с.
- Ратушная Е. Р.** Семантическая структура фразеологизмов в процессе ее формирования и функционирования. Курган: Изд-во Курганского гос. ун-та, 2000. 223 с.
- Стеванович С. В., Раевская Е. А.** Нормативные представления о социальной роли женщины в русской культуре // Вестник КемГУ. Филология. № 2. 2008. С. 188–194.
- Таджибова Т. Н., Быкова Л. В.** Образ женщины в хантыйской лингвокультуре // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. 2018. № 1 (19). С. 123–131.
- Телия В. Н.** Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. Москва, 1996. 284 с.
- Шагбанова Х. С., Саурбаев Р. Ж.** Женщина в английских и русских пословицах и фразеологизмах в свете гендерного подхода // «История, культура, экономика Урала и Зауралья»: междунар. науч. конф. (12–13 ноября 2015 г.). Ханты-Мансийск, 2015. С. 121–126.
- Шериева Н. Г.** Кабардино-черкесские фразеологизмы, характеризующие человека // Языкознание. № 11. Ч. 3 (77). 2017. С. 182–185.

Ермакова Елена Николаевна.

Доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры филологического образования.

Тюменский государственный университет.

Знаменского ул., 58, Тобольск, 626150.

E-mail: ermakova25@yandex.ru

Файзуллина Гузель Чахваровна.

Доктор филологических наук, доцент,
профессор кафедры теории и методики начального и дошкольного обучения.

Тюменский государственный университет.

Знаменского ул., 58, Тобольск, 626150.

E-mail: utgus@mail.ru

Возелова Любовь Геннадьевна.

Младший научный сотрудник сектора культурной антропологии.

Научный центр изучения Арктики.

Республики ул., 20, офис 203, Салехард, 629008.

E-mail: lvozelova@mail.ru

Материал поступил в редакцию 6 ноября 2022 г.

E. N. Ermakova, G. Ch. Faizyllina, L. G. Vozelova

THE IMAGE OF A WOMAN IN THE RUSSIAN, TATAR AND KHANTY PHRASEOLOGICAL PICTURES OF THE WORLD

Most phraseological units that name a person do not contain in their semantic structure any reference to the actual biological sex of the person they denote. By their grammatical nature, Russian phraseological units have a masculine or feminine form expressed by the inflection of the main grammatical component. However, this form is usually not gender-specific and is used to refer to both a man and a woman (kisejnaya baryshnya, belaya vorona. Free translation: blue-haired girl, white crow). In Tatar and Khanty languages, there is no category of gender. Phraseological units denoting persons of both genders can be found mostly in Russian. In a small part of phraseological units it is possible to change the gender of the main grammatical component to denote persons of the opposite gender (zmeya podkolodnaya – zmej podkolodnyj. Free translation: snake in the grass(she/he)), the component is rarely replaced to identify the referent of the speech situation (bazarnaya baba – bazarnyj muzhik. Free translation: Gossipmonger (she/he)). The article presents the results of a comparative analysis of phraseological units characterizing only one woman in languages of different systems. Although phraseological units are a deeply national phenomenon, their analysis suggests that the signs of femininity and the features of the female behavioral model named by these units coincide in Russian, Tatar, and Khanty linguistic images of the world. The problems of gender identity, gender differentiation, and cultural conditioning align with the most popular humanitarian research today, which determines the relevance of this work. The article analyzes phraseological units reflecting ideas about the feminine principle or femininity, and their classification is made according to the classification of semantics and connotations. Feminine phraseological units in different linguistic cultures mainly characterize a woman's physiological-anatomical, intellectual-psychological and socio-axiological features and the "world of women." From the differences in the figurative basis of phraseological units characterizing a woman in the languages of neighboring peoples, one can infer a culturally universal approach to evaluating certain traits recognized as purely feminine

Keywords: *phraseological unit, phraseological image of the world, femininity, gender stereotypes, semantic properties, figurative basis of phraseology*

Sources and abbreviations:

FSRYA – Phraseological Dictionary of the Russian Language [Phraseological Dictionary of the Russian Language] / comp. L.A. Voinova and others / ed. A.I. Molotkova. M.: SE, 1967. 543 p.

FSTY – Isanbet N.S. Phraseological dictionary of the Tatar language. Vol. I. [Phraseological dictionary of the Tatar language. Volume I] / N.S. Isanbet. Kazan: Tatar book publishing house, 1989. 495 p.

Lel'hova F. M. Slovar' glagolov hantyjskogo yazyka (shuryshkarskij dialekt) [Dictionary of verbs of the Khanty language (Shuryshkar dialect)] / F. M. Lel'hova. Hanty-Mansijsk: OAO «Izdatel'skij dom «Novosti Yugry», 2012. 207 p.

Solovar V. N. Hantyjsko-russkij slovar' (kazym'skij dialekt) [Khanty-Russian dictionary (Kazym dialect)]: Bolee 9000 slov / V. N. Solovar ; pod red. A. A. Burykina. Novosibirsk: izdatel'stvo SO RAN, 2020. 689 p.

References:

- Arsent'eva E. F.** Sopostavitel'nyj analiz frazeologicheskikh edinic, vyrazhayushchih karakter cheloveka, v anglijskom i russkom yazykah [Comparative analysis of phraseological units expressing the character of a person in English and Russian]: dis. ... kand. filol. nauk / E. F. Arsent'eva. Moskva, 1984.
- Gazimova A. H.** Poroki haraktera cheloveka vo frazeologicheskoy kartine mira [The vices of a person's character in the phraseological picture of the world] / A. H. Gazimova, A. V. Yaruta // Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Filologicheskie nauki. 2016. Vol. 2 (68). No. 1. P. 138–144.
- Gak V. G.** Nacional'no-kul'turnaya specifika meronimicheskikh frazeologizmov [National and cultural specifics of meronymic phraseological units] / V. G. Gak // Frazeologiya v kontekste kul'tury. Moskva, 1999. P. 260–265.
- Dement'eva I. A.** Antropocentricheskij podhod k issledovaniyu kognitivnoj i lingvokul'turnoj deyatel'nosti cheloveka [Anthropocentric approach to the study of cognitive and linguocultural activity of a person] / I. V. Dement'eva // Izvestiya Samarskogo nauchnogo centra Rossijskoj akademii nauk. 2013. Vol. 15. No. 2. P. 176–180.
- Dinislamova O. Yu.** Reprezentaciya vneshnego vida cheloveka v aspekte rassmotreniya esteticheskoy kategorii «bezobraznoe» (na materiale frazeologizmov mansijskogo i russkogo yazykov [Representation of a person's appearance in the aspect of considering the aesthetic category “ugly” (based on the phraseological units of the Mansi and Russian languages] / O.Yu. Dinislamova // Ezhegodnik finno-ugorskih issledovanij. 2019a. Vol. 13. No. 2. P. 343–355.
- Dinislamova O. Yu.** Yazykovaya reprezentaciya rosta cheloveka. a v mansijskoj i russkoj frazeologicheskikh kartinah mira [Language representation of human growth. and in the Mansi and Russian phraseological pictures of the world] / O. Yu. Dinislamova // Vestnik ugrovedeniya. 2019b. Vol. 9. No. 1. P. 30–39.
- Dinislamova O. Yu.** Obraz krasivoj zhenshchiny v mansijskoj i russkoj frazeologicheskoy kartine mira [The image of a beautiful woman in the Mansi and Russian phraseological picture of the world] / O. Yu. Dinislamova, S. S. Dinislamova // Vestnik ugrovedeniya. 2019. Vol. 9. No. 2. P. 207–222.
- Dobrovol'skij D. O.** Nacional'no-kul'turnaya specifika v frazeologii [National and cultural specificity in phraseology] / D.O. Dobrovol'skij // Voprosy yazykoznanija. 1997. No. 6. P. 48–57.
- Ermakova E. N.** Russkie i tatarskie frazeologizmy s komponentom-zoonimom kak istochnik lingvokul'turnoj informacii [Russian and Tatar phraseological units with a zoonym component as a source of linguocultural information] [Elektronnyj resurs] / E. N. Ermakova, G. Ch. Fajzullina // Nauchnyj vestnik Kryma. 2019. No. 1 (19). URL: <https://elibrary.ru/contents.asp?id=37845123>
- Ermolaeva M. V.** Filosofskij aspekt gendernoj frazeologii [Philosophical aspect of gender phraseology] / M. V. Ermolaeva // Vestnik CHGPU. Filologiya i iskusstvovedenie. 2011. No. 2. P. 206–213.
- Konogorova A. V.** Stereotipy vospriyatiya koncepta «zhenshchina» v raznoyazychnyh kul'turah [Stereotypes of perception of the concept “woman” in multilingual cultures] / A. V. Konogorova // Vestnik CHitGU. Filologicheskie nauki. 2010. No. 9 (66). P. 43–47.
- Korina N. B.** Rodstvennye naimenovaniya v slavyanskoj frazeologii [Related names in Slavic phraseology] / N. B. Korina // Vestnik slavyanskih kul'tur. 2015. No. 4 (38). P. 128–138.
- Kubryakova E. S.** Chasti rechi v onomasiologicheskom osveshchenii [Parts of speech in onomasiological coverage] / E. S. Kubryakova. Moskva: Nauka, 1978. 114 p.
- Kul'sarina, G. G.** Etnokul'turnye osobennosti zoonimov v bashkirskom yazyke (na materiale fol'klornyh tekstov) [Ethnocultural features of zoonyms in the Bashkir language] / G.G. Kul'sarina // Vestnik Bashkirskogo universiteta. Filologiya i iskusstvovedenie. 2015. Vol. 20. No. 2. P. 548–541.
- Maslova V. A.** Lingvokul'turologiya: Ucheb. posobie dlya stud. vyssh. ucheb. Zavedenij [Linguistics: Proc. allowance for students. higher textbook institutions] / V. A. Maslova. – 2-e izd., stereotip.. – Moskva: Izdatel'skij centr Akademiya, 2004. 208 p.
- Molostova E. P.** Ekspressivnyj komponent semantiki frazeologizmov-antropocentrizmov russkogo i francuzskogo yazykov [The expressive component of the semantics of phraseologisms-anthropocentrism of the Russian and French languages]: dis. ... kand. filol. nauk / E. P. Molostova. Kazan', 2000. 191 p.
- Ratushnaya E. R.** Semanticheskaya struktura frazeologizmov v processe ee formirovaniya i funkcionirovaniya [Semantic structure of phraseological units in the process of its formation and functioning] / E. R. Ratushnaya. Kurgan: Izd-vo Kurganskogo gosudarstvennogo universiteta, 2000. 223 p.
- Stevanovich S. V.** Normativnye predstavleniya o social'noj roli zhenshchiny v russkoj kul'ture [Normative ideas about the social role of women in Russian culture] / S. V. Stevanovich, E. A. Raevskaya // Vestnik KemGU. Filologiya. 2008. No. 2. P. 188–194.
- Tadzhibova T. N.** Obraz zhenshchiny v hantyjskoj lingvokul'ture [The Image of a Woman in the Khanty Linguistic Culture] / T. N. Tadzhibova, L. V. Bykova // Tomskij zhurnal lingvisticheskikh i antropologicheskikh issledovanij. 2018. No. 1 (19). P. 123–131.

Teliya V. N. Russkaya frazeologiya. Semanticheskij, pragmaticheskij i lingvokul'turologicheskij aspekty [Russian phraseology. Semantic, pragmatic and linguoculturological aspects] / V.N. Teliya. Moskva, 1996. 284 p.

Shagbanova H. S. Zhenshchina v anglijskih i russkih paremiyah i frazeologizmah v svete gendernogo podhoda [Woman in English and Russian proverbs and phraseological units in the light of the gender approach] / H. S. Shagbanova, R. Zh. Saurbaev // «Istoriya, kul'tura, ekonomika Urala i Zaural'ya»: mezhdunar. nauch. konf. (12–13 noyabrya 2015 g.). Hanty-Mansijsk, 2015. P. 121–126.

Sherieva N. G. Kabardino-cherkesskie frazeologizmy, harakterizuyushchie cheloveka [Kabardino-Circassian phraseological units characterizing a person] / N. G. Sherieva // Yazykoznanie. 2017. No. 11. Ch. 3 (77). P. 182–185.

Ermakova Elena Nikolaevna.

Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of Philological Education.

Tyumen State University.

Znamensky st., 58, Tobolsk, Russia, 626150.

E-mail: ermakova25@yandex.ru

Faizullina Guzel Chahvarovna.

Doctor of Philology, Associate Professor,

Professor of the Department of Theory and Methods of Primary and Preschool Education.

Tyumen State University.

Znamensky st., 58, Tobolsk, Russia, 626150.

E-mail: utgus@mail.ru

Vozelova Lyubov Gennad'evna.

Junior Researcher of the Sector of Cultural Anthropology.

Scientific center for Arctic studies.

Respubliki str., 20, office 203, Salekhard, Russia, 629008.

E-mail: lvozelova@mail.ru